

V. Ислам — знамя контрреволюции на советском Востоке

1. Единение контрреволюционных сил в борьбе против

соввласти

В годы гражданской войны в разных районах и в разное время контрреволюция рядилась в различные одежды и принимала разные личины. Исламская контрреволюция, помноженная на темноту народных масс, выраженная в басмаческом движении, оказалась наиболее устойчивой и долговечной. На восточных окраинах все силы реакции ополчились против надвигающейся социалистической революции. Национальная буржуазия, феодалы, духовенство готовы были с кем угодно объединиться для борьбы с Октябрьской революцией. Контрреволюционная платформа — борьбы против соввласти — объединяла самые несродственные элементы и приводила к самым курьезным сочетаниям.

Туземная контрреволюция в Туркестане в борьбе с соввластью вступила в блок: с русской белогвардейщиной (Дутов), с контрреволюционным кулачеством Ферганы (союз курбаши Мадамин-бека с главарем «крестьянской армии» Монстровым) и, наконец, с английским империализмом (английские интервенты в Закаспии), лишь бы только уберечься от социальной революции. Слабая, рахитичная, недоразвитая национальная буржуазия мусульманских окраин, но уже доросшая до понимания национальных задач, была неспособна самостоятельно их реализовать. В Узбекистане она вынуждена была пойти сначала на союз, а затем и на капитуляцию реакционной уleme.

Наиболее последовательными и заядлыми врагами революции оказались феодалы и духовенство, которые организовали в Туркестане басмачество, а на северном Кавказе — контрреволюционное движение, возглавляемое имамами, и т. д.

До настоящего времени эти классы, обреченные историей на неизбежную гибель, ведут с нами всеми способами борьбу, начиная от разбоя басмаческих шаек до актов вредительства и контрреволюционной пропаганды включительно. Борьба этих реакционных сил проявляется с особой яростью, когда мы проводим революционные реформы, как земельно-водная, снятие паранджи и прочие, выкорчевывающие основу господства этих реакционных классов. Рассмотрим различные проявления контрреволюционной сущности ислама в СССР, в годы гражданской войны.

2. Союз реакционных улемистов с русскими белогвардейцами и английским империализмом.

В годы гражданской войны Туркестан находился в огненном кольце контрреволюционных фронтов. Малочисленный, но классово-активный пролетариат, разбросанный по оазисам края, удерживая в своих руках железнодорожную сеть, энергично, отстаивал советскую власть в важнейших центрах Туркестана против атак объединенных сил контрреволюции. В Семиречьи шло кулаческое восстание, и

свиrepствовали отряды пресловутого генерала Анненкова. Националисты Казахстана создали свою националистическую организацию «Алаш-Орду», сотрудничавшую с белогвардейцами атамана Дутова.

Группа шиитов, совершающая паломничество в чтимый шиитами город — Кербелай.

Национальная буржуазия Узбекистана совместно с реакционной улемой в конце 1917 года создала в Ферганской долине «Кокандскую автономию» со своим правительством во главе с Мустафа-Чокаевым. Туркменские родовые вожди, как Ораз-Сердар и другие, совместно с эсерами в Ашхабаде разгромили советскую власть, создали белогвардейское правительство Фунтикова и пригласили себе на помощь для борьбы с красными английских сипаев во главе с генералом Малесоном.

Бухарский хан определенно ориентировался на английский империализм и сотрудничал с русскими белогвардейцами. В Хиве свиrepствовала диктатура Джунаид-хана. В низовьях Аму-Дарьи в Чимбае господствовало контрреволюционное казачество. На севере существовала «оренбургская пробка» — белогвардейская армия атамана Дутова, которая изолировала Туркестан от центра. На фоне этого сплошного контрреволюционного движения в Туркестане реакционное духовенство развило свою деятельность. Организовавшись в партии «улема» и «шура-и-ислам», оно оказалось фактическим вдохновителем всяких контрреволюционных затей. Реакционное духовенство играло влиятельную роль среди кокандских автономистов: устанавливало контакт с русскими белогвардейцами, агентами английского империализма и организовывало басмаческие банды.

Ряд фактов может иллюстрировать эту реакционную деятельность улемистов.

Уже в 1917 году ташкентская улема прислала свою делегацию на IV краевой съезд советов, где предложила свой союз при неперменном условии: «если съезд примет решение, что туземное население края будет управляться по шариату».

Программа кокандских автономистов, создавших в конце 1917 г. свое правительство, включала такой примечательный пункт: «частная собственность на землю, орудия и средства не должна нарушаться. Судопроизводство должно вестись по шариату; женщины — оставаться закрытыми».

Когда в Фергане, в противовес реакционной партии улемы, организовался Союз трудящихся мусульман, который при выборах в учредительное собрание и местные органы повел борьбу с улемой, то последняя выпустила против него запретительную фетву, в которой Союз был проклят, отдельные члены его объявлены неверными и изменниками религии. В кокандском автономном правительстве сотрудничали представители улемистов с русскими белогвардейцами.

В Ташкенте 13 декабря 1917 г. улема совместно с русской белогвардейщиной организовала контрреволюционную демонстрацию в пользу кокандской автономии и освободила из тюрьмы русских контрреволюционеров во главе с Дорером.

В декабре 1917 г. в Коканде состоялся чрезвычайный краевой мусульманский съезд, на котором всерьез обсуждался английский проект, внесенный в порядок дня, через представителей атамана Дутова, о создании «Юго-восточного союза» и «о вхождении в него Туркестана».

В основу этого английского проекта, осуществляемого через русских белогвардейцев, были положены такие соображения: в состав Союза было предположено включить следующие области казачьих войск — Оренбургскую, Уральскую, Сибирскую, Семиреченскую, Астраханскую и Аму-Дарьинскую, территории Башкиристана, ныне Башкирская АССР, Казахстана, ныне Киргизская АССР, Туркестана (области Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую, Закаспийскую и Семиреченскую), автономные ханства Бухары и Хивы.

Предположено в будущем включить в состав Союза казачьи войска Кубанское и Терское, чтобы, как говорилось в объяснительной записке, получить свободный доступ к открытому морю и иметь на территории Союза разнообразные богатства, чем бы достигалась экономическая независимость нового государственного образования. Этот же проект вхождения в Союз был предложен контрреволюционерам Дагестана, которые его приняли.

По проекту англичан этот колоссальный буфер, возглавляемый белогвардейским правительством, должен был служить плотиной, ограждающей средне-азиатские владения Англии от революционного влияния на них Советской России. Здесь видно, опять-таки, стремление Англии — расчленить Россию.

В начале 1918 года в Коканде завязалась борьба между старым городом, находившимся во власти улемистов, и новым городом, где сохранилась еще советская власть. Улема, недовольная нерешительностью действий буржуазных представителей

правительства Чокаева и Танышбаева, потребовала более активных действий против нового города. Улема всячески старалась взбудоражить массы и двинуть их на борьбу с советской властью. Муллы в мечетях призывали правоверных к молитве, читали проповеди, в которых объявляли советской власти «газават». Накануне ликвидации красными кокандской автономии улемисты, опираясь на отряд бандита Иргаша, произвели в Коканде переворот, изгнали из рядов автономного правительства буржуазных деятелей — Чокаева и других и провозгласили диктатуру Иргаша. Таким образом, в кризисный момент классовой борьбы, улемисты, оказавшись у власти, ухватились за саблю бандита Иргаша и даже пытались провозгласить его кокандским ханом. Интриги улемистов в Коканде были радикально пресечены отрядами красных, которые 19/II—1918 г., после ультиматума, разгромили автономистов.

Улемисты, совместно со своим диктатором Иргашом, рассыпались по всей Фергане и начали организовывать басмачество.

Так началась вторая фаза вооруженной борьбы реакционных сил с советской властью.

3. Ислам — идейная база басмаческого движения

Басмачество как социальное явление в специфических туркестанских условиях меняло свои формы параллельно с советско-социалистическим строительством в крае. Оно эволюционировало от массового движения, иногда с путанными национальными лозунгами за капиталистический путь развития Туркестана до вырождающегося бандитизма, теряющего свою социальную базу даже в экономически и культурно отсталых окраинах, пытающегося ныне сорвать советско-социалистическое строительство в крае.

Под влиянием советско-социалистического строительства в Средней Азии постепенно сужалась социальная база басмачества. Социально-экономические и политические реформы углубили классовую дифференциацию в крае, что привело к постепенному отпадению от басмаческих главарей широких дехканских масс. Правильная национальная политика (национальное размежевание), земельно-водная реформа, раскрепощение женщин, кооперирование дехканства, расширение посевной площади хлопка, постройка фабрик, городов, железных дорог радикально меняют экономическо-социальное и культурное лицо края, ликвидируя стимулы басмаческого движения. Басмачество, от массового «общенародного» движения на первых порах, выродилось в бандитские шайки, влачащие жалкое существование на афганской территории.

Первопричинами басмаческого движения являлись:

а) Экономический упадок Туркестана в связи с войной и изоляцией туркестанского сырья (хлопка) от промышленных, хлебных центров России. Это привело к упадку хлопководческого хозяйства и переходу на зерновые культуры. Этот болезненный переход от хлопка к зерновым культурам и общая разруха подрывали дехканское хозяйство и создали внушительную безработную армию батраков в крае, насчитывающую

в одной Ферганской долине до 300 тыс. человек, которые на первых порах явились кадрами басмаческих шаек Иргаша, Мадамин-бека и других курбашей Ферганы.

Это облегчало реакционным силам Туркестана направление недовольства дехкан в контрреволюционное русло борьбы с советской властью.

б) Националистические устремления туземной буржуазии, доросшей до понимания национальных задач, но пока еще слабой для самостоятельной их реализации, а посему вынужденной вступать в блок с русскими белогвардейцами, своими феодалами, духовенством и даже английским империализмом.

в) Боязнь социалистического пути развития Туркестана, угрожавшего господству всех эксплуататоров безотносительно к различным классовым и сословным прослойкам. Борьба за капиталистический путь развития Туркестана на первых порах объединила самые разнообразные классовые прослойки и национальности края. Кроме этих основных, были также и второстепенные причины и поводы, стимулировавшие темп и размах басмаческого движения:

Суррогатный характер, на первых порах, советской власти на местах и отдельных ее представителей дискредитировал подлинную политику соввласти колонизаторством, неправильным подходом к бедняцко-средняцким прослойкам дехканства, что создавало нездоровую атмосферу.

Грабежи партизанских отрядов дашнаков при ликвидации кокандских автономистов, бессистемные реквизиции продовольствия у населения, иногда бестактное отношение к бытовым и религиозным укладам коренного населения, все это крайне озлобляло население.

Необдуманый «колесовский наскок» на эмирскую Бухару в 1918 г. окончательно толкнул Бухару на путь контрреволюции в объятия Англии.

Издание декрета Совнаркомом Туркеспублики о реквизиции хлопка, где бы он ни был, и в каком бы количестве ни оказался, — тоже оказалось лишним толчком для перехода широких масс дехканства в лагерь контрреволюции.

Идейное и материальное влияние английского империализма на ход басмаческого движения имело далеко не второстепенный характер.

Для того, чтобы учесть роль «английского фактора» в басмаческом движении, необходимо вспомнить 1919 год в Туркестане.

Закаспий находился во власти сипаев генерала Малесона; в Ташкенте оперировали агенты английской военной миссии, которые координировали действия асхабадского и оренбургского фронтов. Они были связаны с туземной клерикально-контрреволюционной партией Улема. Повсюду организовывали «очаги борьбы» с соввластью. В Ташкенте была создана «Туркестанская военная организация», которая уже в 1918 г. направила в Фергану полковника Зайцева и генерала Корнилова (брат известного контрреволюционера) для связи с вожаками басмачества Иш-Мамед-баем, Иргашом, Хал-Ходжой, Ахмед-Палваном и другими.

За поход 25-тысячного отряда басмачей на Ташкент, на помощь английскому агенту Осипову, поднявшему позже известное январское восстание в Ташкенте, англичане обещали снабдить басмачей деньгами, вооружением и амуницией.*

Таковы, вкратце, основные, внутренние, объективные причины басмаческого движения и второстепенные внешние, иногда субъективные факторы (появление Энвера), усугублявшие темп и размах этого движения.

При рассмотрении движущих сил басмачества в порядке убывающей важности каждой из них, можно наметить следующую их градацию.

а) Феодалы - духовенство, владельцы земельных угодий и примыкающие к ним родовая знать и чиновничество эмира — наиболее заклятые враги социалистического пути развития края и наиболее последовательные и устойчивые кадры басмачества.

Между ними существовало «разделение труда»: феодалы, племенные и родовые вожди становились главарями (курбаши) басмаческих шаек; муллы — играли роль агитпропов басмачества, в деле вербовки крестьянства в банды, и идеологически оформляли движение.

б) Байский элемент кишлака являлся основной опорой басмаческого движения, предоставляя басмачам фураж, продовольствие и оружие.

в) Туземная буржуазия, доросшая до понимания национальных задач, непрочь была добиться независимости и вести Туркестан по пути капиталистического развития хотя бы путем сделки с английским империализмом, но оказалась, слишком слабой, чтобы стать гегемоном этого движения.

Для того, чтобы избежать угрожавшей ее существованию социальной революции, туземная буржуазия вынуждена была вступать в блок с феодально-клерикальными элементами через партию Улема.

г) Дехканство, доведенное экономической разрухой и головоотпяской политикой ряда представителей соввласти до отчаяния, на первых порах примкнуло в общей массе к басмаческому движению. Но затем, по мере развертывания советско-социалистического строительства, начало отходить от классово-враждебных ему вожаков движения. В первую очередь отсеивалась бедняцкая часть дехканства, а затем и середняцкая.

Буржуазия была нейтрализована от басмаческого движения сначала нэпом, а затем обезврежена подрывом ее экономической мощи, социалистическим строительством, кооперацией и т. д.

Начиная с конца 1924 г. главной движущей силой басмачества являются уже феодально-клерикальные элементы и представители родовой знати (Ибрагим-бек, глава узбеков Локайской долины; Джунанд-хан, король Каракумских песков, и т. д.). Угасающее басмаческое движение, вырождающееся в бандитизм, еще сохраняется на таких окраинах, куда меньше всего проникло социалистическое строительство как

* Подробнее об этом см. журнал «Соловецкие острова», № 4 за 1926 г., и книгу J. Castagnie, Les Basmatchis, 1924.

Сурхан-Дарья, Кашка-Дарья, Каракумы и т. д. Феодалы и родовая знать уходят последними из боя.

Эта амальгама контрреволюционных сил с противоречивыми классовыми интересами привела в дальнейшем к расслоению и разложению единого фронта басмачества (отход дехканства).

Раскол, распри и вооруженная борьба между басмаческими группировками различных национальностей (борьба между узбекскими и казахскими басмачами в Фергане в 1922 г.) облегчала борьбу красным. Исламская идеология как синтез лозунгов различных классов, принимавших участие в движении, слишком обща и отвлечена, чтобы могла долго и последовательно вести дехканские массы в бой с советской властью. Исламская идеология с лозунгами — борьба за ислам, шариат, долой гяуров и т. д. — имела целью не только объединить дехкан для борьбы, но и являлась средством для отвлечения внимания бедноты от ее истинных классовых врагов и маскировки классовых интересов феодалов и духовенства. Наконец, беспринципные блоки, хотя бы с точки зрения ислама, то с русскими белогвардейцами, то с англичанами благоприятствовали дискредитированию вожаков басмаческого движения. Все это облегчило совласти комбинированными маневрами (военный нажим, пропаганда, классовая политика, изъятие пособников, соц. строительство и т. д.) расслоить басмачество и направить обманутую бедноту на борьбу с их истинными врагами — духовенством, феодалами и баями, возглавлявшими басмаческое движение.

Однако необходимо констатировать, что исламская идеология явилась организующим фактором этого контрреволюционного движения.

Вожди басмачества всесторонне использовали исламскую идеологию для борьбы с советской властью. Нижеприведенные подлинные документы басмачей это наглядно характеризуют.

Свергнутый эмир бухарский, находясь на территории Афганистана, являлся главным вдохновителем басмаческого движения в Восточной Бухаре через своих заместителей и щедро награждал громкими чинами наиболее активных головорезов из басмачей.

Одна из таких пожалованных грамот гласит: «От его величества — Гуль-Мухаммеду-Джибеги. За ваши неутомимые работы в деле защиты святого дела ислама и Бухарской святой земли вы производитесь в чин караул-беги. Настоящая грамота выдана от его величества Мухаммед-Шараф-беком, священным главнокомандующим, помощником эмира бухарского. Потому предлагается всем относиться к вам с уважением за ваши услуги». Печать: Главнокомандующий всеми басмаческими отрядами всего Туркестана. Врид эмира бухарского. 1341 год, месяц Раджаб» (март 1923 г.).

А вот еще характерный документ ферганского басмачества, содержащий клятвенное обещание младшего курбаши, перед главарем более крупной шайки, о своем беспрекословном повиновении. «Да хранит нас аллах от наваждения шайтана! Во имя аллаха милосердного! Мы, национальные воины Туркестана, во имя нашего создателя и пророка нашего Магомета, чести и блага нашей религии и нации, даем слово жертвовать собою, слушать своего хозяина (т. е. главаря шайки) беспрекословно и без измены и

корыстной цели. Если же мы отступили от своего слова, то мы должны будем подвергнуться каре свыше: пусть тогда наши жены будут для нас прелюбодейками, а матери наши — женами. Пусть тогда нас разит в сердце, если мы откажемся от нашего, от своего хозяина (курбаши). Клянемся именем аллаха». Печать: «Мирза Палван».

В большинстве случаев в переписке между главарями в начале посланий приводятся слова: «Во имя аллаха милосердного! Уповай на аллаха! Победа близка!» и т. д.^{*}

Вот типичная агитка, каковыми вожаки басмачества призывали под свои контрреволюционные знамена население. «Во имя святого пророка Магомета! Эй, мусульмане-товарищи! У нас много врагов. Если вы потеряете вашу жизнь, то у вас останется ваша религия. Эй, мусульмане, просим вас во имя шариата, дайте нам помощь. Если вы такую дадите, то мы совместно сумеем отразить всякого, посягнувшего на нашу религию». От всех отрядов бухарского вилайета. 1341. 13 джума аваль» (апрель 1924 г.).

В тех случаях, когда население оставалось равнодушно к подобным призывам или выражало сочувствие красным, курбаши прибегали к террору и угрозам всевозможными карами как в этом, так и в «потустороннем» мире.

Вот образец такого запугивания, изложенного главарем бухарского басмачества муллою Абд-уль-Кагаром в его обращении к местному населению, отошедшему от басмаческой контрреволюции: «Здравствуйте Джойты-Али, еще Ам-хакул-Амин. Мухаджи-ходжа! Бузар-аксакал и все местные богачи, еще Остан-Душ-Яркул. Этим объясняю вам мы полтора года продолжали войну за мусульманскую веру. Какие негодяи отдают свою религию и мусульманский народ противнику? Вы, соединяясь с русскими, предаете им свой народ. Мы таких исключаем из мусульманской среды и считаем их своими злейшими врагами. Вы поймите: русские желают уничтожить мусульманскую религию, закабалить бухарский народ и покорить весь мир». «Русский народ — проклятый народ. Он совершенно другой веры. Одна мусульманская вера истинная, и мы глубоко уверены в этом». «Мы пишем вам потому, что вы дети единой с нами мусульманской семьи; если вы не жалеете населения своей страны, то и мы жалеть не будем. Пусть его съедят волки и шакалы». «Ведь аллах сотворил народ и разделил на две группы: мусульман, которым приказал молиться, за что они получают житье в раю; другая группа — неверная, которые богу не молятся и не исполняют его законов, а потому попадут в ад». «Идите к нам, пока не поздно». «Вы подумайте, какая вам польза от тех гарнизонов, которые стоят в Нур-атинских долинах. Русские и мы никогда не уйдем. Мы будем воевать в этих районах. Пусть погибнет население». «Вы работайте осторожно у красных, потому что, если вы попадете к нам, не обижайтесь, пощады не будет».

Еще более свирепое обращение басмаческой шайки было адресовано 8/IV—1923 г. населению города Нур-Ата, которое гласит: «Нур-атинским жителям. Нур-Ата и все богатство ваше, которое будет попадаться на дороге или в г. Нур-Ата, будем отбирать, а Нур-Ата сожжем и не оставим ничего, кроме цветов и могил».

^{*} Оригиналы приводимых здесь документов хранятся в Ташкенте в архиве дел Туркфронта.

Таковы те методы, к каковым прибегало реакционное духовенство для того, чтобы именем аллаха и Магомета принуждать население к сотрудничеству с басмачами.

Еще более характерная переписка между населением Локайской долины и главным уполномоченным эмира Бухарского, курбашей Ибрагим-беком, относящаяся к 1925 году. Разоряемое население Алайской долины направило главарю басмаческих шаяк восточной Бухары Ибрагим-беку нижеследующее обращение: «Мы, население Локая, сообщаем, что вы по зависти злодея эмира бухарского разорили весь Таджикистан; с 1921 г., с начала басмачества, сколько отцов осталось без детей, сколько детей осталось без отцов, сколько женщин овдовело, — во всем этом виноваты вы, вы убивали всех. Согласно заповеди Корана: «друг мира — друг народа», вы являетесь грешниками и за все отвечаете перед богом и на том свете». В ответ на это последовал нижеследующий свирепый ответ Ибрагим-бека: «Сообщаю изменникам веры и ислама, подчиненным неверующим, — населению Локая, что получил от вас два письма, из которых ясно понял, что вы подчинились неверующим кафирам.

Мы до настоящего времени считали вас мусульманскими единоверцами и родственниками, из-за этого мы вас не обижали и всегда желали, чтобы вам жилось хорошо.

Теперь мы видим, что вы заодно с изменниками джадидами и неверными стремитесь уничтожить войска ислама. Это, на основании шариата, доказывает, что вы исключили себя из рядов ислама. С сего дня объявляем, что вы разорвали с нами всякие родственные связи, мы с настоящего времени примемся вас грабить и убивать; ученые улемисты доказывают, что кто помогает кафирам, тот также считается кафиром».

Приводимых документов достаточно для того, чтобы составить себе представление о контрреволюционных деяниях басмачей, прикрываемых именем аллаха, Магомета и Корана.

Наиболее ярко проявилась исламская идеология в басмачестве в 1922 г., когда басмачество восточной Бухары возглавил Энвер-паша. Он свою громадную серебряную печать снабдил следующей надписью: «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и наместник Магомета».

Лозунг: «за веру ислама против неверных джадидов, за поправленные права народа», под которым муллы понимали восстановление эмирской власти, дал возможность на время мобилизовать внушительные массы дехканства. С целью выбить идеологическую базу басмаческой агитации, спекулирующей на безбожьи джадидов (большевиков) и распространяющей вздорные слухи о поругании ислама и обычаев и т. д., нам пришлось в 1922 году в Фергане пойти на политический маневр и временные уступки. Было разрешено для желающих восстановить старометодные школы, суды казиев и возвращать вакуфные земли духовенству.

Энверовская авантюра была энергично ликвидирована военным нажимом.

4 августа 1922 г. поплатился жизнью и сам Энвер, неисправимый фантазер и авантюрист.

В 1924 г. комбинированными политическими мероприятиями и военными действиями басмачество было потушено в важнейших своих очагах. В последующие годы басмачество сохранилось еще как пережиток в наиболее отдаленных уголках Средней Азии.

Дольше всего борьба затянулась в Каракумах, в которых скрывался старик Джунаид-хан, давший лжеклятву Туркменскому съезду советов о своей покорности и лояльности к советской власти. В 1924 г. Джунаид-хану, опирающемуся на реакционных родовых вождей и, частично, на представителей буржуазии Хивинского оазиса, испугавшихся углубления социальной революции, — удалось привлечь под свои знамена также и дехканские массы. Джунаид-хан, связанный через северную Персию с английскими агентами, в целях привлечения на свою сторону дехканских масс, обещал после свержения советской власти освободить население от налогов и ввести управление страной на основах шариата. Для характеристики методов реакционной исламской агитации Джунаид-хана среди населения приведем нижеследующее его агитационное письмо.

Письмо Джунаид-хана

«Пусть сохранит нас (хивинцев) господь от раскола и раздавления. Хивинским 96 аксакалам, катхурдам (посредникам), хорошим джигитам, старшим и младшим нашим братьям. Ставлю вас в известность, что с тех пор как курбан Магомет-Сардар по кличке хан Джунаид открыл борьбу против чуждых религий, он никогда искренно верующих мусульман напрасно не трогал и не казнил. Многие из мусульман из боязни большевиков отказались от религии и от проведения религиозных праздников, но если, на основании изречения нашего пророка Магомета, что всякая вещь возвращается в основание, некоторые вернутся обратно в мусульманскую веру, то таких братьев мы трогать не будем.

Тем людям, которые будут верить и исполнять религиозные обряды, аллах на том свете будет все прощать. Трогать душу и имущество таких людей мы для себя считаем запрещенным. Оставив родину, потеряв имущество, мы бродим по пустыням для сохранения веры Магомета. Большевиков мы считаем своими врагами. Если найдутся такие люди, которые только с наружной стороны сделались большевиками, а внутренне остались искренними мусульманами, то мы над головой таких людей поднимем Коран, а если из вас найдутся такие люди, которые будут обижать искренних мусульман, то таких людей мы накажем. Ставим вас об этом в известность и надеемся, что, наконец, зашевелятся наши мусульманские сердца, и пора уже объединиться в союз мусульман и сохранить в своих руках честь и авторитет веры Магомета.

Вы не думайте, что это письмо написано необдуманно, пусть каждый хорошенько подумает и объединится против врагов. Уже вы сами знаете, что эти беспощадные мучители посредством агитации организовали из мусульман партию и, отделив нас в конец от прочих хозяйств Хивинской земли, потом прогнали хозяев шариата, честное духовенство и в настоящее время берут ваших сыновей в солдаты, потом на содержание этих солдат отбирают ваше имущество и скот. Если хорошенько вдумаетесь в вышесказанное, то — это говорится в вашу пользу. Если этому не будете верить и не

будете присоединяться к нашему союзу, то такие попадут под иго большевиков и в конце своей жизни умрут, отрешившись от веры.

Даже в последние дни слышно, что безбожники посягают на личную собственность граждан, разрушают мечети, медресе, заставляют мусульман лить слезы. Если бог даст, мы увидимся скоро».

Подписи Джунаид-хана нет, так как он совершенно безграмотен, а приложена его личная печать. (Это письмо писал его личный секретарь мулла Ураз, бывший назир иностранных дел).*

В этом письме очень ярко выражены как идеология, так и психология вождей исламской контрреволюции, выступающих под личиной защитников «чести и авторитета веры Магомета», а на самом деле — за сохранение «личной собственности граждан» от «безбожников». Здесь содержится угроза для «отщепенцев» от ислама, отказавшихся «от религии и от проведения религиозных праздников», и обещание помилования, путем «поднятия над головой Корана», тем, которые перейдут на сторону контр-революции. Под маской защиты ислама от поруганий «безбожных большевиков» реакционные силы провоцируют крестьянство на борьбу с советской властью за восстановление привилегий «хозяев шариата» и «честного духовенства». Этот маневр клерикальной контрреволюции нашей агитацией был быстро нейтрализован и изобличен перед широкими дехканскими массами.

Советские, партийные и военные органы, в своем воззвании «ко всему беднейшему и среднему дехканству ХССР и частям хорезмской Красной армии, находящимся на территориях Хорезма», писали: «Но дехкане, по-видимому, не усвоили, не поняли правительство, избранное самими же дехканами, поддались преступной политике своих прежних баев, ханов и прочих, которые сотни лет выжимали последние соки из бедняка-дехканина, сидя у него на спине. Дехкане не только стали помогать последним материально, но даже некоторые районы примкнули с оружием в руках и выступили благодаря своей темноте против своего пролетарского правительства.

Дехкане знают отлично о том, что если ханство и их баи достигнут своего, то дехканин останется таким же рабом на несколько лет, каким был до свержения ханской власти в Хорезме».

Эта наша агитация, в сочетании с военным нажимом, быстро дала положительный результат в виде откола от басмачей дехканства. Басмачество, штурмовавшее в январе глинобитные стены Хивы, к апрелю было окончательно разгромлено. Жалкие остатки джунаидовских банд, во главе со своим вождем, оказались загнанными в дебри каракумских песков. Осенью 1928 г. глава хивинского басмачества Джунаид-хан был окончательно изгнан из пределов Туркменистана.

В связи с афганским событием, в северном Афганистане зашевелились изгнанные из пределов СССР отряды басмачей. Одной басмаческой шайке, под руководством бывшего кара-тегинского бека Максум-Фузайля, удалось прорваться на территорию советского

* И. Кутяков, Красная конница и воздушный флот в пустыне. 1930.

Таджикистана. Банда, перейдя границу 11/IV у Кала-и-Хумба, через 10 дней достигла г. Гарма, где ей был нанесен удар, после чего она начала откатываться на юг.

Преследуемая кавалерийскими отрядами, банда, побросав лошадей, в числе 12 человек с трудом сумела спастись на территории Афганистана, перейдя границу 3/V—29 г.

За 24-дневное пребывание на советской территории банда Фузайли сумела убить 39 советских граждан, из них 12 учителей, двух врачей, и повесить трех женщин, снявших чадру.

Таков кровавый баланс краткого хозяйничанья басмачей в Таджикистане.

Вот передача одним из присутствовавших речи вожака банды и описание дикой расправы басмачей с женщинами, снявшими паранджу.

«Народ Хаита и народ кишлаков! Я пришел сюда не для войны, а для мира. Но если большевики не сдадутся мне без битвы, то — воля божья! — пусть будет война! За мной идет большая армия с английскими пушками и пулеметами. Только что прискакал гонец, — Куляб и Душамбе заняты нашими войсками. Советская власть — все равно как дым: мы будем ее ветром. Уничтожим ее. Поставим справедливый закон. Она грабила нас, посылала врачей прививать нашим детям оспу, а все знают, что от этого умирают! Велик бог!»

— Велик бог, — закричали муллы и за ними закричала вся площадь. Особенно усердно горланили стоящие в первых рядах. Они прямо бесновались в лицемерном и иступленном восторге, выкрикивая «аллах, аллах», взвизгивая, гулко ударяя себя в грудь и стараясь умиленно, но громко рыдать. Это «аллах» они повторили по крайней мере две тысячи раз, и никто не хотел прекратить крика первым, пока Фузайль не сделал досадливый знак замолчать.

— Тише! Слушайте! Сейчас был суд и будет приговор. Я ваш муджахид, факих и мушариг.

Эти туманные арабские слова были непонятны для дехкан.

... На мосту через большой арык двигалась новая толпа. В ней были муллы и было много женщин, особенно старух, все с открытыми лицами. Они громко кричали и кривлялись, осыпая кого-то проклятиями. Посредине два дюжих дехканина вели трех молодых девушек. Это были Муаллим-биби, Олям-биби и Сайрамхон — единственные в Хаите девушки, открывшие лица и собравшиеся ехать в Гарм. Они были очень бледны и шли, не оглядываясь по сторонам. Время от времени одна из старух нагибалась и, взяв с земли камень, бросала его в пленницу. На суд Фузайля вели женщин, преступивших шариат. Затем завопила труба, и высокий басмач вышел к воротам бывшего исполкома.

— Народ Хаита! Максум разобрал жалобу некоторых почтенных лиц на оскорбительные преступления трех проклятых проституток, осквернявших веру ислама. Многими своими поступками они вызвали осуждение всего народа, и поэтому совет улемов и мулл постановил, и ишан Абдугафур и другие ишаны выдали толкование из

Корана. По этому толкованию преступниц следует повесить. Повесить их за шею, повесить, повесить!»

Из этого видно, что на сей раз банда тоже совершила свои акты вредительства и разбоя — срыв весенней посевной кампании, грабеж магазинов Узбекторга, расправу с коммунистами и снявшими чадру женщинами — под лозунгами шариата и ислама.

4. Борьба реакционного духовенства с революционным преобразованием мусульманских окраин

Ликвидировав в упорной и многолетней борьбе исламскую контрреволюцию на советском Востоке, выраженную в басмачестве, в последние годы мы приступили к проведению ряда революционных реформ, как земельно-водная, снятие паранджи, ликвидация феодально-байских владений, углубление культурной революции и т. д. Развертывание социалистического строительства и культурной революции означает выкорчевывание как в экономике, так и в быту базы всех паразитических реакционных классовых прослоек — баев, мулл, феодалов, родовых вождей и т. д.

Все это обостряет классовые противоречия и приводит к ожесточенной борьбе отживающих классов с новыми реформами и их проводниками — коммунистами.

К каким только изощренным методам борьбы не прибегают эти контрреволюционные силы для срыва и дискредитации соц. строительства!

Кроме организации бандитских шайк, совершающих террористические и вредительские акты (басмаческие шайки в Хиве и Таджикистане), убийства из-за угла отдельных активистов кишлака и аула, муллы ведут усиленную агитацию исподтишка, выступая против нового тюркского алфавита, раскрепощения женщин, земельно-водной реформы, коллективизации и т. д.

В ряде мест мусульманское духовенство проявляет и политическую активность, стремясь к политическому руководству. Характерен недавний предвыборный трюк крымских мулл, которые временным отказом от духовного сана стремились получить избирательные права и таким путем завоевать советы. Не редки случаи, когда духовенство ведет свою контрреволюционную агитацию через третьих, подставных лиц, иногда вербуемых из бедноты, и т. д.

В ряде моментов реакционное духовенство смыкается с представителями буржуазных партий (мусават) и уклонистами, договаривающимися до пантюркизма и панисламизма...

Все эти проделки контрреволюционного духовенства довольно эластичны, для вскрытия их требуются зоркий глаз, правильное классовое чутье и глубокое понимание специфичности исламской контрреволюции.

VI. Деятельность феодально-шариатской контрреволюции в Дагестане в годы гражданской войны

Нигде так последовательно и ярко не проявила себя феодально-клерикальная контрреволюция, как в Дагестане и на Северном Кавказе. Здесь она показала себя в классической и законченной форме.

На этой окраине, среди забитого темнотой и эксплуатацией горского крестьянства, шариатская контрреволюция справляла свою последнюю реакционную свистопляску. Здесь феодально-шариатская контрреволюция, персонифицированная в лице своих вождей Наджмудина Гоцинского, Узун-хаджи, Саид-бея (пресловутый внук Шамиля, выписанный из Константинополя) и ряда других больших и малых «арабистов», в различных сочетаниях и вариациях, проделала все этапы и применила все мыслимые методы в своей контрреволюционной деятельности против советской власти.

Феодально-клерикальные вожаки контрреволюции, крупные землевладельцы и барановоды, максимально использовали шариат для борьбы не только с советской властью, но и с горской беднотой, потребовавшей земли. Коран и шариат реакционные силы толковали вкривь и вкось для оправдания своих контрреволюционных деяний и замазывания классовых противоречий среди горцев. Дагестанские феодалы, духовенство и буржуазия, учитывая наличие обостренной классовой борьбы между угнетаемой горской крестьянской беднотой и феодально-клерикальными эксплуататорами, позаботились сразу нейтрализовать влияние революционных лозунгов, идущих с Севера. Реакционные силы, пользуясь наличием религиозного фанатизма среди горского крестьянства, решили его классовое недовольство направить в русло борьбы с «гяурами», под знаменем шариата. Реакционная верхушка горцев, пользуясь поочередно поддержкой: Бичерахова, турок, английских сипаев, деникинцев, грузинских меньшевиков, азербайджанских мусаватистов, сумела, на протяжении 3—4 лет окопачивать лозунгами шариата горцев и вести борьбу с советской властью. Сложные маневры шариатской контрреволюции на Кавказе достойны внимательного изучения. Уже 1 мая 1917 г. во Владикавказе, собравшись на съезд, беки, князья, феодальное дворянство, высшее духовенство избрали «Центральный комитет горских народов» и провозгласили Наджмудина Гоцинского своим идейным вождем, снабдив его титулом «муфтия Северного Кавказа».

На этом же съезде духовенство выработало специальную резолюцию, в которой настаивало на том, чтобы мусульмане Северного Кавказа управлялись шариатскими законами и были созданы суды кадиев.

Гоцинский, житель села Гецо, Аварского округа, — потомок известного наиба Шамиля, продавшего впоследствии своего вождя русским, пытался подражать знаменитому Шамилю. Но это «подражание» великому вождю горских народов в борьбе с царской Россией, со стороны Гоцинского, в борьбе с революционной Россией, являлось профанацией идей и традиций великого Шамиля. Крупный феодал и барановод, царский чиновник (начальник участка) — Гоцинский пытался создать вокруг себя мюридскую организацию. Люди, побывавшие в резиденции Гоцинского в Анди, рассказывают, что

они там наблюдали кругом Гоцинского «море чалмоносных голов, кричащих, поющих, фанатично-истеричных и чуть ли не целующих ноги Наджмудина и требующих смерти всем, кто не признает имама».*

Опасаясь реализации крестьянством его «захватных» устремлений к помещичьей земле в Темир-хан-шуринском округе, феодалы и духовенство в Шуре сфабриковали общество исламистов, называемое «Джемиети-уль-исламие», которое под предлогом необходимости сохранения мира между «братьями-мусульманами» пыталось стать арбитром в разрешении «недоразумений» между крестьянством и помещиками, возникавших на почве земельного вопроса.

Главный заправила этого «шариатского блока» из беков, духовенства и лавочников Даниэль Апашев организовал милицию для сдерживания крестьянского напора на помещиков.

Это реакционное исламское общество даже решило кодифицировать шариатские законы, конечно, в духе интересов духовенства и помещиков, на основе «беспристрастности и справедливости ко всем верованиям и партиям, приноравливаясь к жизненным интересам каждой народности, но с условием не нарушать шариата в его основах и соблюдения заветов имамов».[†]

В противовес этой шариатской организации социалистическая группа созвала крестьянский съезд, на который общество «исламистов» тоже провело своих представителей, с целью дезорганизации съезда и защиты интересов крупных землевладельцев.

Характернее всего то, что, крестьянство, жаждущее земли, но находящееся в идеологическом плену у шариата, столкнувшись на съезде, с реакционными исламистами, отстаивающими интересы помещиков, аргументировало необходимость аграрной революции ссылками на шариат. Этот турнир в толковании шариата между крестьянами и помещиками так описывает тов. Тахо-Годи:

«Шариат на съезде повернули «вверх ногами», так как к съезду были заготовлены специальные цитаты из шариатских же книг, где говорилось, что земля принадлежит тому, кто ее «оживляет», т. е. значит крестьянину, так как помещики самолично не пахут. Воды тоже были объявлены достоянием общим, так что в итоге шариатисты со «своим» шариатом были побиты шариатом же социалистической группы и голодным, требующим земли желудком съехавшихся крестьян».

Хотя крестьянство и постановило отнять земли от помещиков, но уже самый факт аргументации этого действия крестьянством ссылками на шариат говорит о незрелости для того времени этого крестьянского движения.

На II съезде горских народов, в Анди, Гоцинский продемонстрировал силу и приверженность имаму своих мюридов. Делегаты переполошились, увидя «тысячи чалмоносных голов, с дикими воплями, исступлением, с оружием в руках, требовавших

* Самурский, Гражданская война в Дагестане. 1925 г., стр. 5.

† А. Тахо-Годи, Революция и контрреволюция в Дагестане, 1927 г., стр. 20.

провозглашения Наджмудина Гоцинского имамом и смерти тем, кто против него. При этом каждый участник подходил и целовал полы одежды восседавшего Гоцинского» (Тахо-Годи).

Характерны методы агитации и призыва населения к контрреволюционным действиям. Вот образчики воззваний Гоцинского:

«Эй, алимы Кавказа и других городов и областей, — восклицает он, — эй, вы, шейхи, председатели городов и сел, умные ханы, молодые мужчины, храбрецы, богачи, губернаторы, верующие в бога и его страшный суд, надеющиеся встретиться с богом и почитающие святой Коран и Каабу! Я вас призываю от имени ислама, помогите мне по мере ваших сил а этом ответственном деле; алимы — знанием, шейхи — молитвой и советами, разумные — умом, богатые — имуществом, смелые — храбростью и молодечеством доктора — медициной, инженеры — техникой и наукой и профессионалы — своей профессией! — Помогите мне все».

После своего «чалмоносного похода» на Шуру, в январе 1918 г., Гоцинский выступил со своим обращением-исповедью к населению, в котором так рекламирует свою контрреволюционную партию шариата:

«Люди всегда останутся действительными божьими рабами. Бог на страшном суде их воскресит и потребует отчета от них в деяниях. Эта партия, партия шариатской свободы (?!), все измеряет с точки зрения Корана: будь это лица, стоящие у власти (хакимы), будь это преступники, в никахских ли делах (брачных), в имущественных ли делах, — при суждении об их деяниях она руководствуется божьими повелениями, указанными в Коране. Бог в своей книге (Коран) говорит: «всякий, кто не судит ниспосланным богом Кораном, тот отверженный от меня. Еще он сказал: тот, кто не судит ниспосланным богом Кораном, — порочен».

В этой же исповеди Гоцинский предложил оригинальный способ разрешения аграрного вопроса через посредство всемусульманского съезда знатоков шариата — улемов.

«В земельные дела я не хочу вмешиваться, эти дела я передаю на рассмотрение съезда алимов, куда приглашаем еще алимов из Бухары, Казани, Крыма, Турции, и все мусульмане должны подчиниться постановлениям этого съезда. Не подчиняющийся является сошедшим с истинного пути и насильником, навлекающим на себя божий гнев и наказание. Я прошу исполнительный комитет созвать в скорейшем будущем этот съезд алимов».

Так агитировала и маневрировала шариатская контрреволюция в борьбе с советской Россией и со своим крестьянством.

Не менее характерна и колоритна фигура второго сподвижника исламской контрреволюции и сотрудника Гоцинского, фанатика-арабиста — Узун-хаджи. Узун-хаджи, объявленный шейх-уль-исламом Дагестана, несогласным признать Гоцинского имамом и хаджи его векелем заявил: «Я вью веревку для того, чтобы перевешать всех инженеров, студентов и вообще пишущих слева направо».

Из этого видно, что этот экзальтированный исламский фанатик являлся представителем феодальной реакции, непримиримо выступающей не только против «неверных», но и против развития капитализма, разрушающего феодально-родовую и патриархальную идиллию средневековья.

Характерно, что когда белогвардейщина выступила перед горцами с английским проектом о создании и присоединении их к пресловутому «Юго-восточному союзу», то второй дагестанский съезд, вместе с Гоцинский, в ноябре 1917 г. согласился с этим предложением.

Таким образом, исламская контрреволюция, объявляя большевикам священную войну, подружилась с русской белогвардейщиной. Как видно в толковании реакционных улемистов, такой контрреволюционный союз оправдывался как Кораном, так и священным шариатом.

Характерно отметить, как на практике применялась шариатская демократия — «шариат и хурият» при выборах в учредилку. Очевидцы описывают, что во время выборов агенты шариатского блока стояли у избирательных урн и заявляли голосующим: «это — в рай, это — в ад, кледи, куда хочешь». Гоцинским было предписано муллам и кадиям жестоко расправляться с смельчаками, дерзавшими голосовать за социалистов, т. е. за «ад».

Еще более оригинальный трюк, чем в Анди, Гоцинский проделал в январе 1918 г. в г. Шуру на третьем Вседагестанском съезде, на который он вызвал своего помощника Узун-хаджи «с народом». Буржуазные демократы и социалистическая группа опять были застигнуты врасплох наскоком шариатских войск, которые захватили внезапно город, разогнали съезд и торжественно провозгласили в мечети и на площади Гоцинского имамом. При провозглашении Гоцинского имамом, Узун-хаджи заявил, что «кто не подчинится имаму, тому мы отрубим голову».

Нашествие этого восьмидесяти тысячного воинства ислама на Шуру так описывает т. Тахо-Годи:

«Тому» кто не видел подобных картин, трудно представить; что это было за зрелище. Бесконечной вереницей, заполнив шоссе между Казаницами и Шурой, шествие «полчищ» медленно двигалось, имея голову уже в самом городе. Одетые в лохмотья, пешие и конные, старые, и молодые, вооруженные то винтовками, то кремневками, а то и просто

Дервиш из ордена «вертящихся дервишей» — Мевлеви с высоким колпаком на гДервиш из ордена «вертящихся дервишей» — Мевлеви с высоким колпаком на голове, носимым только последователями этой секты.

палками, одни — с безумием фанатизма, другие — с равнодушно-усталыми глазами, с белыми повязками на головах, — участники процессии чувствовали себя победителями».

Растерявшаяся социалистическая группа, вследствие наскока Гоцинского, с целью его дискредитации, противопоставила ему Али-хаджи Акушинского из села Акуши, Даргинского округа, провозгласив последнего муфтием, который, по словам тов. Самурского, — «хотя и был большим фанатиком, но не был богатым человеком и мог защищать интересы среднего крестьянства». В дальнейшем оба эти исламских вожака находились в постоянной вражде, которая часто ослабляла эффективность контрреволюционных действий Гоцинского.

Оказавшись в 1918 г. халифом на час в г. Петровске, Гоцинский обращался к населению со следующим призывом: «Я, имам Северного Кавказа и Дагестана, Наджмудин Гоцинский, призываю к спокойствию и зову под тень нашего зонтика всех, кто жаждет мира и покоя». «Для ослушников Гоцинский ввел телесное наказание и учинял расправу «по шариату».

Узун-хаджи сжег дотла вместе с чеченцами город Хасав-Юрт за его приверженность к большевизму.

Не останавливаясь на всех перипетиях многосложной борьбы революции с контрреволюцией в Дагестане, отметим лишь, что контрреволюционные силы, возглавляемые духовенством, поочередно вступали в антисоветские блоки: с турками, азербайджанскими мусаватистами, немецким империализмом, английскими агентами, Бичераховым, Деникиным и прочими реакционными силами, лишь бы уберечься от надвигающейся с севера социалистической революции и «черного передела» земли со стороны горской бедноты.

Однако все эти маневры исламской контрреволюции не спасли ее от неизбежного краха и разгрома дружными усилиями Красной армии и революционных отрядов горской бедноты.

Попытки исламистов эксплуатировать боевые традиции освободительной борьбы Шамиля с царской Россией, путем выписки из Турции внука Шамиля Саид-бея для возглавления контрреволюционного движения, не спасло положения Гоцинских, Узун-хаджи, феодалов, беков, барановодов и прочих эксплуататоров всех мастей.

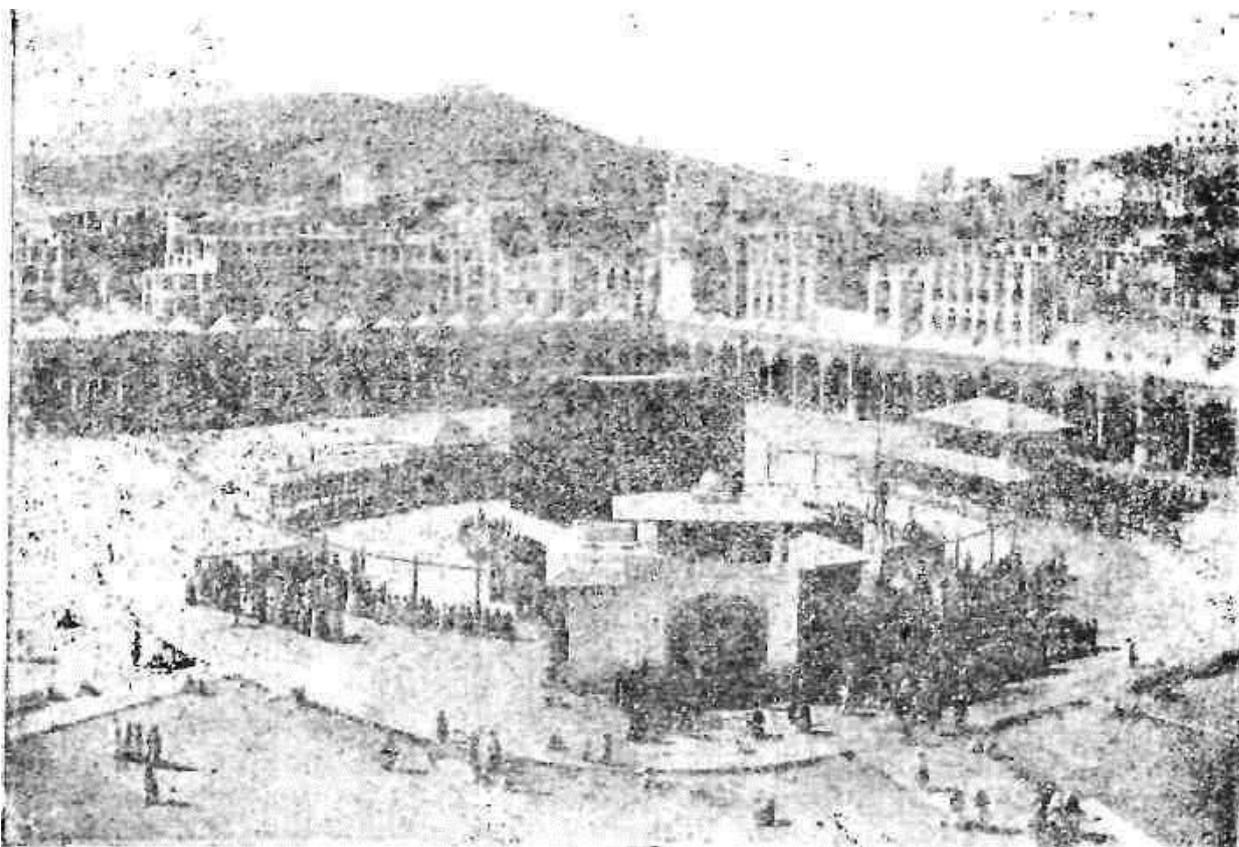
В заключение, для более яркого представления о роли шариатско-исламской идеологии в контрреволюции, необходимо привести еще несколько фактов и документов.

13 июля 1919 г. на станции Порт-Петровск был создан специальный «Военно-шариатский суд», который, ссылаясь на статьи царских законов, приговорил к смертной казни ряд коммунистов, в том числе видного революционера Улубия Буйнакского, который позже был расстрелян. Так «шариатский суд» расправлялся с большевиками, применяя «свод законов», изданный царем! Созданная турками в 1918 г. бутафорская «республика горцев» после ухода турок сотрудничала с английским агентом Роландсоном, а затем и Деникиным. Правительство этой республики, во главе с «президентом» Коцевым, умудрилось, ссылаясь на шариат, оправдать приход белогвардейских

добровольцев в Дагестан. Постановление этого «правительства» от 23/V—1919 г. по этому вопросу гласит следующее: «Выслушав заявление исп. обяз. шейх-уль-ислама Абдул-Басира-Гаджи Мустафаева о том, что шариат запрещает главарям народа тянуть его в неравную борьбу и тем самым подвергать физическое существование народа опасности, единогласно постановили: членам союзного правительства разъехаться на неопределенное время и передать всю власть генералу Халилову (деникинскому агенту).

Так шариатская контрреволюция обосновывала сдачу своих позиций и преклонение перед белогвардейщиной ради борьбы с революцией. С 1 июня 1919 г. деникинцы становятся хозяевами Дагестана. Генерал Халилов назначается «правителем Дагестана». Имам Гоцинский сотрудничает с белогвардейцами и сохраняет титул муфтия.

Нельзя не привести характерного документа, показывающего, как реакционные феодалы и исламисты пытались по шариату обосновать и практически создать «шариатскую монархию».

Священный город ислама — Мекка. В центре главная святыня мусульман — Кааба, со своим «черным камнем». К этому фетишу правоверные мусульмане пять раз в сутки обращаются лицом и падают ниц для сотворения аллаху угодной молитвы. Нередко именем «священной Каабы» реакционные силы ислама призывали население для борьбы с революцией.

Узун-хаджи, фанатичный улемист, в сентябре 1919 г. в ауле Ведено создал бутафорское «Северо-кавказское эмиратство». Во главе правительства эмиратства был назначен пройдоха-авантюрист, именующий себя «главнокомандующим войсками эмиратства и фельдмаршалом, — князь Дышинский-Арсанукаев. Этот проходимец, имея, очевидно, согласие своего повелителя Узун-хаджи, в своем «отношении» к грузинскому

правительству от 9 декабря 1919 г. так пояснял необходимость создания своеобразной шариатской монархии.

«В стране мусульманской деспотизма в действительности быть не может, в стране мусульманской не может быть республики, так как по существу нашей священной книги наличие халифата необходимо, ибо отрицание его — это есть отрицание пророка, отрицание же пророка это бы значило не что иное, как отрицание наличия бога. Всякое суждение по поводу республики или конституции, имею честь заверить Вашему Высокопреосвященству, это не что иное, как смута, так как такая идея среди истинных мусульман проведена быть не может.

Наш верховный вождь и мы не добиваемся автономии, не хотим мы республики и конституции, мы хотим тесным кругом обнять шариат, свободно исповедуя свою мусульманскую религию».

«Мы добиваемся шариатской монархии, однако под названием шариатская монархия нельзя подразумевать тенденции деспотического монархического правления, а нужно рассматривать это слово, как наследие истинного толкования шариата».

Итак, контрреволюционеры от ислама договорились: долой революцию, республику! Да здравствует «шариатская монархия» — вот лозунг исламской контрреволюции.